
Большое
сердце
Павел Ульф

Павел Ульф
Большое сердце

https://litres.ru/74801747
SelfPub; 2026

Аннотация

Цирк. Что вы чувствуете, произнося это слово? Запах сладкой ваты, грандиозные выступления силачей, укротителей тигров, смешные номера клоунов. Но что чувствует артист, находящийся перед выходом на арену? А что чувствует четвероногий артист? Встречайте, на манеж выходит рыжий пудель Добряк, звезда цирка. Но какой он был до своего звёздного часа? Читайте в новой книге "Доброе сердце".

Большое сердце

Глава 1. Красивая улица - некрасивое знакомство

Жаркий летний день плавил асфальт. Ясное синее небо будто специально подсвечивало пеструю суету улицы. Между светофорами, словно пойманные в ветреную ловушку, трепетали бумажные листья, звезды из фольги, причудливые узоры – хаотичное, но посвоему завораживающее украшение. Люди текли туда-сюда, каждый в своем ритме, отгородившись от мира наушниками, укрывшись в экранах телефонов, потерявшись в лабиринтах собственных мыслей. И посреди этого шумного разнообразия, у самой обочины, словно выброшенный волной на берег, сидел маленький рыжий комочек. Трудно было разобрать, кто это – щенок, котенок, или просто забытая игрушка.

Люди проходили мимо. Кто-то мимолетно бросал сочувственный взгляд, пытаясь понять, что за существо перед ними. Кто-то вздыхал: "Бедняга… Если бы у меня не было своего питомца, я бы с удовольствием его забрал". Но все эти слова и взгляды были лишь тенями, скользившими по его рыжей шерстке, не оставляя после себя ни тепла, ни защиты. Маленькая слезинка скатилась из уголка его глаза, но никто не заметил, никто не остановился. Всем было все равно.

Он уже не первый день скитался по этой улице. Пыль въелась в его шерсть, голод скручивал живот в тугой узел,

страх поселился глубоко в сердце. Единственным, если можно так сказать, его другом был дед Ваня, уличный музыкант. Старик, казалось, не обращал на него внимания, но изредка, между исполнениями заунывных мелодий, поглядывал на своего рыжего соседа. А вечером, когда в чехле от гитары звенели первые монетки, он угощал его лакомством – тем, что сам сочтет нужным: чаще всего это были дешевые сосиски и миска разбавленного молока.

Так день за днем этот рыжий бродяга изучал улицу. Днем что-то искал, заглядывал в глаза прохожим, словно спрашивая: "Где мой дом? Где моя семья?". Ночью спал в картонной коробке из-под фруктов, которую заботливые дворники оставили у стены дома. Картон пах гнилыми яблоками и чужой тоской.

Как-то дед Ваня заметил, что рыжий приятель, заслышав аплодисменты или знакомую мелодию, начинает странно себя вести. Он кружился вокруг себя, смешно перебирал лапками, подпрыгивал на месте. И словно просил, чтобы и на него обратили внимание. Дед быстро смекнул, что в лице зверька может найти себе полезного компаньона. И решил провести свой первый эксперимент.

Взяв в руки старую, потрепанную жизнью гитару, он подозвал животное, которое сам про себя называл Добряк. Дед Ваня начал играть грустный, надрывный мотив. Добряк, словно почувствовав настроение мелодии, поник головой, начал переминаться с лапы на лапу, жалобно поскуливая. То-

гда дед Ваня ускорил темп, перешел на веселую плясовую. И Добряк, позабыв о своей грусти, стал весело кружиться, повизгивая в такт музыке.

– Эдак мы с тобой поклонников заведем, а, Добряк? – прохрипел дед Ваня, улыбаясь одними глазами. Добряк в ответ лишь смотрел на него доверчиво. В маленьком сердце животного становилось тепло и спокойно. Он чувствовал, что его заметили. Он больше не один.

***

– Дай-ка я посмотрю, что ты вообще такое, – сказал дед Ваня, бережно подняв Добряка на руки. Разглядывая своего нового товарища вблизи, он все больше и больше убеждался, что перед ним собака. И явно не простая дворняга. В породах дед Ваня не разбирался. Поняв, что это пес, да еще и мальчик, он так и оставил ему имя – Добряк. Имя подошло ему идеально.

***

Через пять дней репетиций, дед Ваня решил дать свой первый концерт с новым помощником. День был ясным. Солнце играло бликами в лужах. Дед Ваня посмотрел на часы – да, сегодня я немного припоздился, мелькнула мысль в голове. Он достал из чехла гитару, взглянул на Добряка и промолвил

: – Ну что, Добряк, не подведем друг друга?

Добряк в ответ озорно гавкнул, словно понимая всю важность момента. Они стали одним целым: дед играл, а щенок

в ритме исполнял подобие танца.

Потихоньку народ начал останавливаться, смотреть на новое уличное чудо. Никто не остался равнодушным. Кто-то бросал монетки и купюры в чехол от гитары, кто-то умилялся, снимал происходящее на смартфоны. Так день за днем дед Ваня и Добряк стали настоящим дополнением друг друга. За первую неделю им удалось собрать приличную сумму денег. Дед Ваня даже купил Добряку "счастливый ошейник", как он его называл – яркий, с рисунком в виде поля с бабочками. Добряку пришелся такой стиль по вкусу. Он с гордостью носил свой новый аксессуар.

На последних "концертах", как дед Ваня с гордостью называл их выступления, стал появляться один и тот же мужчина. Лет сорока, с черными жидкими волосами, собранными в небрежный хвост. Смуглый, одетый в темную, поношенную куртку, несмотря на теплую погоду. Но самой запоминающейся приметой был жирный, уродливый шрам, пересекавший половину его левой щеки. Не то от ножа, не то от какого-то ужасного происшествия. Этот мужчина стоял на протяжении всего "концерта", пристально, не отрываясь, глядя на Добряка. Со временем дед Ваня стал замечать присутствие столь неприятной персоны, ощущая на себе его тяжелый, изучающий взгляд.

"Что ему нужно? Почему он так смотрит на Добряка? "

Эти вопросы тревожили сердце уличного музыканта.

***

Летним сумеречным вечером дед Ваня сидел на полянке в парке, на стареньком клетчатом покрывале, рядом с ним, как верный рыцарь, восседал Добряк. Пир был знатный, на зависть всем местным бродячим дворнягам: сосиски в тесте, курица гриль, аппетитно поблескивающая жирком, и, конечно же, отдельная порция сосисок для Добряка, благодарно поглядывающего на своего спасителя. Дед Ваня привязался к этому лохматому комку счастья всей душой. Добряк скрасил его однообразные, наполненные тихой грустью дни.

***

Семь лет назад жизнь деда Вани была совсем другой. Он жил с Антониной Васильевной, его Тонечкой. Детей у них не было, но они были счастливы. Сорок лет брака не растеряли их любви, а лишь приумножили ее, словно выдержанное вино, с каждым годом становясь все насыщеннее и глубже. Но злой рок вмешался в их идиллию. Антонина Васильевна занемогла раком. Три года они боролись, надеялись, цеплялись за каждую соломинку надежды, но болезнь оказалась сильнее. Тонечки не стало.

Дед Ваня тяжело переживал утрату. Мир вокруг него словно померк. Найти утешение помогла старая гитара, подарок Антонины Васильевны на тридцать пятую годовщину их свадьбы.

– Вот тебе, гитара, Ванечка, – сказала тогда Тонечка, вручая ему футляр, перевязанный атласной лентой. – Я знаю, как ты любишь играть, но никто не признал твой талант, а

для меня ты всегда был и будешь моим героем.

– Ну что ты, Тонечка, я всего лишь простой любитель, – пробормотал Иван, с краской смущения на щеках, радостно принимая подарок от любимой супруги.

– Вот умру, и будешь вспоминать меня, играя на ней.

– Типун тебе на язык, глупая, – шутливо пригрозил он ей пальцем. – Не вздумай раньше меня уходить…

С того дня гитара стала его верным другом. Каждый вечер, после походов на кладбище к Тонечке, он садился на старенький диван и перебирал струны, извлекая из них грустные, надрывные мелодии. Музыка помогала ему заглушить боль утраты, позволяла хоть ненадолго почувствовать присутствие Тонечки рядом.

“Я буду всегда вспоминать тебя, любимая, доставая из чехла гитару,” – прошептал дед Ваня, собираясь в первый раз выйти играть на Красивую улицу. Играть, в память о своей любимой Антонине Васильевне.

Он долго сомневался, хватит ли у него духу. Боялся, что не сможет сдержать слез. Но мысль о Тонечке придала ему сил. Он отряхнул пыль со старого футляра, достал гитару, и, крепко сжав ее в руках, направился к выходу.

На Красивой улице всегда было многолюдно. Шум, гам, смех, музыка… Дед Ваня чувствовал себя здесь чужим. Он остановился в тени старого каштана, неуверенно достал гитару и начал настраивать струны. Пальцы дрожали, но он старался не подавать виду.

Добряк сидел рядом, внимательно наблюдая за своим хозяином. Он чувствовал, что дед Ваня волнуется, и старался подбодрить его, нежно тыкаясь мордой в его руку.

– Ну что, Добряк, мы с тобой всю славу соберем, – усмехнулся дед Ваня. – Я своей игрой, ты своим умением вести себя на публике. Тебя бы в цирк отдать, вот было бы потешно!

Он засмеялся, но смех получился каким-то натянутым и печальным. Он еще не понимал, что ждет в дальнейшем его нового лохматого друга, и как сильно Добряк изменит его жизнь.

Первые аккорды прозвучали неуверенно, дрожаще. Но постепенно, с каждой нотой, дед Ваня расслаблялся. Гитара словно оживала в его руках, рассказывая историю любви, потерь и надежды. Он играл для Тонечки, играл для себя, играл для всех, кто умел слушать сердцем.

Вокруг него стали собираться люди. Кто-то останавливался на секунду, чтобы послушать, кто-то оставался надолго, завороженный его музыкой. В глазах некоторых людей он видел слезы.

Дед Ваня играл и пел старые песни, которые так любила Тонечка. Его голос был хриплым и дрожащим, но в нем чувствовалась такая искренность и такая любовь, что никто не мог остаться равнодушным.

Он играл, пока не стемнело. Когда последние аккорды затихли, вокруг него образовалась небольшая толпа. Люди аплодировали, благодарили его за музыку.

Дед Ваня смущенно улыбался, собирая свои скромные пожертвования в старый чехол от гитары. Добряк сидел рядом, гордо поглядывая на своего хозяина.

В тот вечер дед Ваня понял, что он не одинок. Что его музыка нужна людям. Что память о Тонечке будет жить вечно, пока он жив и пока звучит его гитара. И что даже после самой темной ночи всегда наступает рассвет, особенно когда рядом есть верный друг, такой как Добряк.

***

Дни летели незаметно, наполненные музыкой и звоном монет. Дед Ваня и Добряк стали настоящей достопримечательностью пестрой улицы. Каждый день, занимая свое привычное место у старого дуба, они дарили прохожим улыбки и хорошее настроение. Дед Ваня бренчал на своей видавшей виды гитаре, извлекая из нее то грустные, то веселые мелодии, а Добряк, словно чувствуя ритм, кружился, подпрыгивал и даже издавал забавные «подвывания», приводя публику в восторг. Их маленький дуэт разбавлял серые будни, напоминая о простых радостях жизни. Дед Ваня, казалось, помолодел лет на десять, а Добряк сиял от счастья в своем новом ошейнике с бабочками.

Но даже на самой светлой улице иногда появляются тени. Мужчина со шрамом на лице продолжал появляться на «концертах» деда Вани и Добряка. Он всегда стоял поодаль, в темном углу, и не сводил глаз с рыжего пса. Его взгляд был тяжелым и изучающим, словно он пытался разгадать ка-

кую-то тайну, скрытую в глубине добрых собачьих глаз. Дед Ваня старался не обращать на него внимания, но неприятное ощущение тревоги поселилось в его душе. Кто этот человек и чего он хочет?

Однажды, после «концерта», когда дед Ваня складывал деньги в чехол от гитары, мужчина со шрамом подошел к нему.

– Хороший пес, – проскрипел он, его голос был хриплым и не предвещал ничего хорошего.

Дед Ваня насторожился.

– Добряк – мой друг, а не просто пес.

– Я вижу, – ответил мужчина, не отводя взгляда от Добряка. – Он особенный. Я готов хорошо заплатить за него.

Дед Ваня почувствовал, как внутри все похолодело

. – Добряк не продается. Он часть моей семьи.

Мужчина усмехнулся, обнажив кривые желтые зубы.

– У каждого есть своя цена. Подумай хорошенько. Я дам тебе достаточно времени.

С этими словами он развернулся и ушел, оставив деда Ваню в состоянии полной растерянности. Дед посмотрел на Добряка, который ластился к его ногам, и почувствовал, как сильно он привязался к этому рыжему сорванцу. Он не мог представить свою жизнь без него.

Вечером, когда они сидели около дома, дед Ваня рассказал Добряку о разговоре с незнакомцем. Добряк внимательно слушал, наклонив голову, словно понимал каждое слово.

Он лизнул руку деда Вани, пытаясь успокоить его.

– Не волнуйся, Добряк, – прошептал дед Ваня, обнимая пса. – Я никому тебя не отдам. Мы вместе пройдем через все.

Но тревога не покидала его. Он знал, что мужчина со шрамом не отступит так просто. Он чувствовал, что над ними нависла какая-то темная угроза. Нужно быть осторожным. Он должен защитить Добряка любой ценой.

И он решил действовать. С этого дня дед Ваня стал внимательнее следить за своим окружением. Он старался не оставаться с Добряком на улице допоздна и избегал темных переулков. Он даже научился немного драться, вспомнив свои молодые годы. Он был готов на все ради защиты своего рыжего друга.

Однажды, во время «концерта», он заметил, что мужчина со шрамом не один. С ним были двое крепких парней с угрюмыми лицами. Они стояли в стороне и наблюдали за ними. Дед Ваня почувствовал, как внутри все похолодело. Он понял, что опасность становится все более реальной.

Он решил, что нужно уходить. Он собрал свои вещи, взял Добряка на руки и быстро направился в сторону дома. Но было уже поздно. Мужчина со шрамом и его подручные преградили им путь.

– Ну что, старик, – проскрипел мужчина со шрамом. – Подумал? Какова цена за пса?

Дед Ваня сжал Добряка в руках.

– Я уже сказал. Он не продается.

Мужчина со шрамом злобно усмехнулся.

– Тогда мы заберем его силой.

С этими словами он шагнул вперед, и один из его подручных попытался вырвать Добряка из рук деда Вани. Началась потасовка. Дед Ваня отбивался от грабителей, пинал их, кричал о помощи, и тут раздался топот ног, который становился все ближе. Грабители поняли, что сила может быть не на их стороне, и убежали. Через мгновение пятеро молодых людей, 3 парней и 2 девушки оказались рядом с дедом Ваней, который прижимал к себе Добряка, и дрожал от страха и бессилия. Слезы текли по его щекам. На этот раз все обошлось. Молодые люди проводили до квартиры деда Ваню, но уснуть он долго ещё не мог...

***

То утро запомнилось деду Ване и Добряку, во-первых, пасмурной погодой, во-вторых, небольшим количеством людей. Красивая улица ещё не проснулась окончательно. Редкие прохожие спешили по своим делам, не обращая внимания на начинающего свою смену уличного музыканта и его верного пса. Дед, как обычно, достал гитару из чехла, потер старые струны, и приготовился играть. Но что-то не давало покоя. Взгляд зацепился за фигуру метрах в двухстах от себя – ярко одетого человека, который вёз телегу с угощениями. Телегу, полную соблазнительных сладостей, от которых у Добряка всегда текли слюнки.

«Ну, пока он тут, надо бы его догнать, вдруг что интерес-

ное перепадёт», – подумал дед Ваня и сказал Добряку: «Пес, сиди тут, я скоро вернусь, после концерта полакомимся». И, положив гитару на чехол (все знали деда, и никто не взял бы его гитару, тем более уже человек десять набралось, хотя это было мало в обычные дни), пошел за странно одетым продавцом.

Ничего не предвещало беды, и дед Ваня уже расплачивался с продавцом, покупая у того сладкие трубочки со сгущенкой и вкусный пломбир. Продавец, с неестественно яркой улыбкой, настойчиво предлагал попробовать экзотические фрукты, которых дед никогда прежде не видел. Но, дед Ваня отказался, помня о Добряке. Как вдруг раздался крик: «Куда он тащит нашего Добряка???».

Дед Ваня обернулся, и увидел, как по улице бежит человек в длинном, темном дождевике, а за ним бежали двое молодых ребят, крича ему, чтобы он вернул им их любимца. В руках у человека в дождевике был Добряк, отчаянно вырывавшийся и лаявший. Его глаза метали молнии, он хотел вернутсья к деду. Дед Ваня почувствовал укол вины. Ему не следовало оставлять пса одного.

Прошло тридцать минут, полных тревожного ожидания. К расстроенному деду, сидящему на скамейке у опустевшего чехла от гитары, подошли ребята.

– Дед Вань, мы искали везде, но Добряка с этим мерзавцем так и не нашли. Он как сквозь землю провалился!

– Зачем я только пошел к этому продавцу, – сокрушался

дед Иван, – Ведь если б я не пошел к нему, Добряк сейчас танцевал бы как раньше, собирая звонкие монеты.

Люди вокруг тоже были огорчены. Добряка любили все. Он был не просто псом, а душой Красивой улицы. Его веселый лай, задорные танцы под гитарные переборы создавали неповторимую атмосферу.

– А как же наш Добряк? – спрашивали огорченные люди.

– Добряк навсегда запомнит некрасивое знакомство на Красивой улице, – сказал дед Иван, роняя слезы, – Я должен был быть рядом…

***

Вечером, когда Красивая улица погрузилась в полумрак, дед Ваня сидел один на той же скамейке. Гитара лежала рядом, нетронутая. Звуки города казались особенно громкими и резкими. Он вспоминал, как подобрал Добряка щенком на окраине города. Грязного, голодного, дрожащего от холода. С тех пор они были неразлучны. Вместе делили хлеб и кров, вместе радовались солнцу и встречали дожди. Добряк не просто понимал его без слов, он чувствовал его настроение. Дед Ваня знал, что он обязательно найдет своего Добряка.

Глава 2

Среди новых друзей

"Приятной поездки, щенок"-кинув Добряка в кузов грузовичка, сказал тип со шрамом. Сев в кабину, он завел грузовик, и машина начала движение в неизвестном для Добря-

ка направлении. Ему было страшно, он не понимал, за что его бросили в машину, и куда везут, какая судьба ждет его дальше. Маленькое сердечко колотилось как бешеное. Каждый толчок грузовика отдавался болью в еще неокрепшем тельце. Добряк жалобно скулил, пытаясь хоть как-то выразить свой страх и непонимание. Он мечтал лишь об одном – вернуться обратно к деду Ване, почувствовать его теплую ладонь на своей шерстке, услышать его добрый, хоть и немного ворчливый голос.

***

Дед Ваня сидел на табуретке, понурив голову. Играть не хотелось, да и какая может быть игра, Добряк исчез в неизвестном направлении. Тоска грызла изнутри. Он чувствовал себя опустошенным, будто у него отняли что-то очень важное, часть его души. Дед ждал появления полицейского, хотя и подозревал, что искать бездомную собаку никто не будет. Спустя час подошел молодой сотрудник полиции, и, посмотрев на деда, спросил: чего пропало?

- Неизвестный мужчина украл моего пса.

Полицейский с изумлением посмотрел на деда, не зная, что и сказать на это заявление.

- Опишите вашу собаку.

- Щенок пуделя, рыжий, лохматый...

- Стоп, это тот маленький бездомный щенок, который танцует для толпы?

- Да да, именно он, - ответил с надеждой дед Ваня.

- Мы будем искать Вашу пропажу, - с иронией сказал полицейский и стал удаляться.

- Да, хотелось бы в это верить, - сказал без всякой надежды дед Иван, раздумывая, как помочь Добряку и кого просить о помощи. Он понимал, что один он вряд ли справится. Нужно было придумать план, найти хоть какую-то зацепку. Дед Ваня решил развесить объявления по всему району, описав Добряка и предложив небольшое вознаграждение за любую информацию. "А вдруг кто-нибудь видел что-то?" – думал он.

***

После двух часовой поездки машина стала сбавлять ход, и стало ясно, что скоро остановка. Добряк стал мучительно ждать своей участи. Через какое то время двигатель заглох, и дверь кабины открылась. Кузов открылся, и перед взором Добряка предстало большое красивое поле, и в нескольких метрах от машины красно белый большой шатер. Взяв Добряка на руки, мужчина запер машину и пошел в сторону шатра. Приближаясь, Добряк почуял запах других животных в перемешку с запахом разных кормов и запахом туалета. Подойдя ко входу в шатер, мужчина остановился и сказал Добряку: смотри не подведи меня. Дверь открылась, и Добряк увидел огромный круг с барьером, и бегущую по этому кругу белую пони. Пони подгонял мужчина с плетью, но вроде как самому скакуну это не доставляло неудобств. Мужчина с Добряком пошли к металлической лестнице, ведущей на

второй этаж. Поднявшись, они подошли к двери с надписью администрация, и мужчина довольно уверенно постучал в нее. "Войдите", крикнул за дверью грубый мужской голос, и Добряк с мужчиной зашли.

- О, какая встреча, - сказал весьма плотный мужчина в клетчаткой рубашке, заправленной в чёрные брюки.

- И тебе доброго дня, - ответил, по всей видимости, хозяину цирка тип со шрамом.

- Чего пожаловал, да еще и не один?

- Я принес тебе нового актера, - улыбнувшись, сказал он.

- Это просто бесполезный щенок, о чем ты только думал?- Хозяин цирка стал набирать агрессию.

- Не скажи, смотри, что этот щенок делал на улице под музыку, - доставая телефон из кармана, мужчина со шрамом стал включать видео, где Добряк показывает номера под гитару.

- О, а у мелкого есть потенциал, - сменив гнев на милость, проговорил хозяин цирка.

- Конечно, есть, это видно сразу.

- Хорошо, что ты хочешь за эту собаку?

- Хочу за него 500 000, и это малая часть чего я прошу, он принесет тебе куда больше доходов.

- Давай так, - усаживаясь в кожаное высокое кресло, сказал хозяин цирка. - Я дам тебе пока 50 000, а если он и правда сделает меня богаче, я дам тебе все остальное. Очень велик риск, что собака не будет развиваться, он все-таки уличный.

- Давай 100 000, и по рукам.

- Договорились, - пожимая руку типу со шрамом, проговорил хозяин цирка. Расплатившись с мужчиной, хозяин цирка подошел к Добряку и вопросительно на него посмотрел. Добряк сделал то же самое, обратив внимание на мужчину.

- Как тебя звать то? - спросил хозяин цирка. И, заметив ошейник на собаке, заглянул под него в надежде найти имя, и не прогадал, так как с внутренней стороны ошейника была надпись: "Добряку от лучшего друга", написано корявым почерком, но с любовью. "Наверно, какой-то ребенок написал", подумал мужчина. "Даже жалко как то, что так вышло. Но на жалости далеко не уедешь, надо начинать тренировки".

Глава 3

Пушистый ученик

Следующее утро началось с того, что Добряк (уже все знали имя щенка) встал рано, и его ждала миска с вкусным мясом в бульоне. Хозяин цирка хорошо обходился с питомцами, и не одобрял их избиение, или какое либо другое проявление жестокости. Наевшись мяса, Добряк стал ждать, что будет дальше. И вот открылась дверь в комнату, где он ночевал, и в нее зашла полная бабушка в очках, очень доброго вида и настроения тоже прекрасного. – Какой чудный малыш!- стала хлопать в ладоши бабушка. - Пойдем со мной, я покажу тебе твой коллектив.

***

Проходя с милой бабушкой по коридору цирка, Добряк

посмотрел на всё по-другому, в спокойной обстановке. То, что было страшно, теперь выглядит куда более светлым. Из дверей стали выходить обитатели цирка, все разные, все куда-то спешат. Спускаясь к манежу, Добряк увидел клоуна, очень на взгляд Добряка сомнительно разукрашенного. Белое лицо, с каждой стороны лица чёрные длинные вертикальные линии, красные глаза, всё это не придавало уверенности нашему пушистому герою в том, что он хочет и дальше проводить в цирке свою жизнь. Лишь доброе лицо бабушки внушало ему какуюто надежду на более менее хорошее будущее. Спустившись окончательно к манежу, бабушка сказала Добряку – "жди тут, мой хороший, сейчас к тебе подойдут". Добряк остался сидеть возле жёлтого круга, наблюдая опасливо, что происходит вокруг. За кулисами послышался какой-то звук, Добряк напряг взор туда, и тут же подпрыгнул от неожиданности – кто-то положил ему руку на спину. Обернувшись, он увидел того самого клоуна с красными глазами.

– Пойдем, время тебя знакомить с твоим ремеслом, – сказал клоун, и они пошли вглубь, за кулисы манежа. Добряк нехотя последовал за ним, каждое движение клоуна казалось ему резким и непредсказуемым. Запах театральной краски был сильным и незнакомым. Занавес был плотным и тяжелым, скрывая от глаз зрителей то, что происходило за ним. Здесь, за кулисами, царила совсем другая атмосфера. Суета уступила место сосредоточенности. Артисты в странных, ярких костюмах разминались, репетировали трюки. Царило

что-то вроде упорядоченного хаоса.

Клоун, которого, как скоро узнал Добряк, звали Степан, шагнул в полумрак, призывно махнув ладонью. Добряк, всё ещё настороженный, но любопытный, осмелился сделать несколько шагов. Перед ним открылось огромное пространство, наполненное реквизитом: мячи всех размеров, обручи, странные деревянные конструкции, яркие ткани и что-то неопределенное, похожее на гигантские ботинки. Степан молча указал на одну из таких пар обуви, стоявшую у стены. Они были невероятно велики, яркокрасного цвета, с огромными шнурками. Добряк посмотрел на них, потом поднял взгляд на Степана, пытаясь понять, чего от него ждут.

Степан наклонился, его раскрашенное лицо приблизилось к мордочке Добряка. Глаза, казавшиеся на расстоянии пугающе красными, вблизи оказались скорее уставшими, с тонкими морщинками в уголках. – Это твои, – прохрипел клоун, его голос был совсем не таким звонким, как он ожидал, а скорее низким и немного надтреснутым. – Твоя первая обувь для манежа.

Добряк недоумённо посмотрел на огромные ботинки и поскулил. Кажется, он не понимал, как он, такой маленький, может использовать такую громадину. Степан усмехнулся, и эта усмешка смягчила резкие линии на его лице. Он взял один из ботинков, который был почти размером с самого Добряка, и поставил его перед щенком. – Сначала просто привыкай, – сказал он. – В цирке всё кажется странным вна-

чале. Потом привыкаешь.

Рядом с ботинками стоял небольшой деревянный брус. Степан указал на него. – Попробуй запрыгнуть. Это первый шаг.

Добряк колебался. Он не любил незнакомые поверхности, особенно те, что могли оказаться неустойчивыми. Но взгляд Степан а, хоть и оставался напряженным из-за грима, не был враждебным. Это была… терпеливость? Впервые, глядя на клоуна, Добряк почувствовал что-то кроме страха. Он сделал неуверенный шаг к брусу, обнюхал его, потом, собравшись с духом, прыгнул. Это оказалось проще, чем он думал. Брус был устойчивым

Степан кивнул. – Хорошо. Теперь вот это. – Он пододвинул к брусу ботинки. – Попробуй запрыгнуть из ботинок.

Это задача казалась куда сложнее. Ботинок был высоким и округлым, без плоской поверхности для приземления. Добряк снова заскулил, выражая свое недовольство. Степан вздохнул. – Знаю, малыш, знаю. Нелегко. Но ты же хочешь быть артистом? Хочешь выступать на манеже, чтобы тебе аплодировали? – Он говорил это не с насмешкой, а с какой-то неожиданной задумчивостью.

Степан взял Добряка в руки, поставил его внутрь ботинка. Добряк неуверенно посмотрел в глаза клоуну. Тогда Степан взял его в руки, и поставил его из ботинка на брус, после чего сразу дал ему вкусняшку. Так проделав несколько раз, Добряк стал понимать, чего от него хотят, и у него стало

получаться самому пусть сначала неуклюже, но все таки запрыгивать на низкий брус из большого клоунского ботинка

– Видишь? Получается, – прошептал Степан. – Не так страшно, правда? – Он погладил Добряка по спине. Его рука была тяжелой, но движение – мягким.

Добряк почувствовал себя немного более уверенно. Возможно, этот странный, раскрашенный человек не так уж и плох. Возможно, цирк – это не только пугающие звуки и незнакомые запахи, но и что-то новое, чему можно научиться. Он всё ещё не понимал до конца, что происходит, но чувство страха постепенно отступало, уступая место любопытству и… даже какому-то детскому предвкушению. Что ждало его дальше в этом мире ярких огней и громких аплодисментов?

***

Дед Иван, дед Иван! Смотрите, мы принесли Вам нового друга!

Дед Иван, кряхтя, опустил газету и посмотрел на то, что принесли ему дети – рыжего кота, шипящего и царапающего воздух, когда они ему его протянули. Кот был явно напуган и зол, шерсть стояла дыбом, глаза горели диким огнем.

– Ребята, где вы его взяли?

– Нашли его на соседней улице, он пытался поймать голубя, – ответил самый смелый мальчишка, держащий кота за загривок.

– Пожалуйста, отнесите его туда, где вы его взяли, ребят,

не обижайтесь, – дед Иван покачал головой, его взгляд блуждал где-то далеко, возможно, вспоминая кого-то другого.

– Но дедушка Иван…

– Никаких 'но', – голос деда стал тверже. – Воспитанные животные вряд ли станут хоть чуть похожими на Добряка, а уж о диких кошках не может быть и речи. Этот звереныш дикий, ему не место здесь.

Понурив головы, ребята пошли с котом прочь, разочарованные. Дед Иван смотрел им вслед, на его лице отражалась печаль. Для него любое другое животное было лишь бледной копией его любимца, того самого Добряка, чье имя он произнес с таким теплом.

Глава 4

Две недели спустя

Добряк сидел на большом красном кубе посреди манежа, озираясь по сторонам. Яркий свет прожекторов слепил глаза, шум за кулисами казался далеким и непонятным. Степан, клоун с веселым, но немного усталым лицом, сделал первый бросок обруча. Он надеялся, что Добряк поймает его хоть как-нибудь, хоть лапой, хоть носом, но эта попытка оказалась тщетной. Обруч, предназначенный для шеи, ударившись о морду

Добряка, упал на манеж, прокатившись с приглушенным стуком. Добряк, не поняв, что случилось, лишь смотрел на клоуна с выражением полного недоумения на морде.

Следующая попытка была так же неудачной. Брошенный

Степаном обруч достиг носа собаки и так же неуклюже упал на манеж. И так была неудачной и третья, и четвертая, и двадцатая попытки. То Добряк "ловил" обруч боком, то он ударялся о его шею под неправильным углом, то просто перелетал через него, когда Добряк пытался увернуться. Они никак не могли добиться заветной попытки поймать обруч шеей, как, видимо, от него требовалось.

– Ладно, малыш, – грустно сказал клоун, почесывая затылок. – Будем пробовать завтра. У нас обязательно все получится.

Степан вздохнул и пошел за кулисы, собирая брошенные на манеже обручи. А Добряк, так как занятий больше не было, остался там. Его очень впечатлила доброта клоуна. После стольких неудачных попыток Степан не вышел из себя, не прикрикнул на него, не пнул, а даже поддержал верой в то, что у него все получится. Это было так непривычно и приятно после всех мытарств на улице.

Так он просидел на манеже минут 10-15, наблюдая за тем, как рабочие сворачивают декорации. Когда шум утих, и вокруг стало почти безлюдно, Добряк стал уходить, как вдруг услышал из за форганга (занавеска перед выходом на манеж) странное бормотание. Любопытство взяло верх. Подойдя к месту откуда шел звук, он аккуратно заглянул за форганг и увидел того самого страуса, которого видел раньше, в странной позе . Страус стоял на ногах, а голова была спрятана в бочку.

– Эй, как тебя там, тот человек с хлебом ушел? – обратился к Добряку страус приглушенным голосом из своего странного положения.

– Тут никого нет, только мы с тобой, – ответил Добряк, чувствуя легкое удивление от столь странной встречи.

– Вот и славно, а то я уже стал тут утомляться, – пробормотал страус, пытаясь пошевелить головой.

– Почему ты бегал от него? – спросил Добряк, вспоминая утреннюю сцену , в которой Эрл потешно убегал от мужчины, держащего в руках кусок хлеба

– Видишь ли, я птица гордая, и хлебом меня не купить… вот какой-нибудь жабкой, или чем повкуснее… – страус сделал паузу, снова попытался освободиться. – Тебя как звать, кстати?

– Добряк, а тебя?

– А меня – страус Эрл! – прозвучало из бочки с неким достоинством.

– Очень приятно, страус Эрл, – сказал Добряк. – Я тут новенький.

– Да, я заметил, – выставив зад и пытаясь вытащить застрявшую голову, проговорил Эрл. – У тебя есть потенциал, малыш. Ты провел на манеже почти час, и не сдался. Ты сможешь, если будешь тверд и уверен.

– Хотелось бы верить, Эрл, – сказал грустно Добряк, его мысли снова вернулись к его непростой жизни до этого места.

– Откуда ты к нам пришел? – спросил Эрл, наконец, резко выдернув шею из заточения.

Добряк потупился взглядом, и глаза его заблестели, вспоминая.

***

Мама, мама, какой хороший щенок! – сказал мальчик лет 10 своей маме, красивой молодой женщине, прижимая к себе маленький меховой комочек с бордовой бабочкой на шее. – Спасибо, что подарила мне его на день рождения!

– Пожалуйста, мальчик мой, – мама улыбнулась, поглаживая его по волосам. – Лишь бы вы были дружны и любили друг друга.

– Я буду очень его любить, вот увидишь! – заверил мальчик с восторгом в глазах.

– Хорошо, сынок, играйте, я пошла готовить обед. Позови, если что-то понадобится.

Мама ушла на кухню, а мальчик остался на полу с щенком. Он очень давно хотел собаку, или может быть кошку, но собаки как-то ему больше нравились своей преданностью и энергией. И когда на его 10-й день рождения мама принесла ему этого рыжего щенка с бордовой бабочкой на шее, радости его не было предела. Он назвал щенка верным другом и обещал заботиться о нем всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.